

Нет более прокоммунистического правительства, чем правительство высокой инфляции

Поистине тернист и непредсказуем путь к демократии в России...
Хотя так ли уж непредсказуем?

Распущены два (из двух) парламента, оказались за решеткой два (из двух) спикера, расформированы два (из двух) конституционных суда, два (из двух) председателя этого суда находятся практически не у дел, и это не самый худший вариант — два (из двух) вице-президента находятся в тюрьме...

Наша политическая жизнь выбрасывает на свалку все внешние атрибуты демократической государственности, сажает на скамью подсудимых целые иерархии, появившиеся вследствие демократических процедур, оставляя на самом верху только одно традиционное Моно.

Нетрудно предположить, что ожидает следующую волну служителей и ревнителей демократии. Впрочем, демократия ли все это?

Вот генерал обещает силой разогнать парламент, если депутаты не разойдутся по домам, и демократы всего мира радуются за генерала: это в интересах демократии. А вот другой генерал-мракобес — вдруг восстаёт за парламент, депутатов, опять же за демократию, и с оружием всех их «защищает», и все демократы понимают, чего он на самом деле хочет, какой именно демократии.

О чём всё это говорит?

Вероятнее всего о том, что никакой демократии в Росси не было, нет и в ближайшее время не предвидится, а то, что по разным причинам мы называем «демократией» — на самом деле не нужно никому, поскольку приносит только несчастье.

События в Москве 3—4 октября показали, как опасно в «демократию» играть, сколь опрометчиво отождествлять политологические конструкции с реальной жизнью, а заимствованную бутафорию представлять как признаки собственной цивилизованности.

Вновь встаёт извечный российский вопрос: кто виноват?

А как же не задавать его на это раз, если пролита, и немалая, кровь, если велась настоящая война центре Москвы, если воевали

между собой не бандиты, и не государство с внешним врагом — бой ввели вполне легитимные «ветви власти»?

И ответим ли на этот вопрос только утверждением, что во всем виноваты «коммуно-фашисты» да генерал Руцкой со спикером Хасбулатовым?

Какими бы целесообразностями мы бы не прикрывались сейчас, пока не ответим на эти вопросы: почему это все произошло? и кто виноват? — идти дальше будет невозможно: тот же тупик и возможно новая кровь. Отвечать на эти вопросы скороговоркой нельзя, и одному человеку это сделать не под силу.

* * *

Мне хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые составные части этих вопросов.

Прежде всего: сегодня очевидно, что строить государственную политику на оголтелом антикоммунизме больше нельзя.

Очень часто говорят наши политики о 70-летнем господстве большевизма, но не задумываются о том, что эта апокалиптическая эпоха вместила в себя несколько поколений людей. Что люди эти жили (и, между прочим, продолжают жить) в своей стране, защищали её, работали, строили... На фоне тусклых идеологических концепций нынешних «властителей дум» (если таковые вообще можно назвать концепциями) прошлая эпоха, с Чкаловым и Гагариным, при всех ужасах сталинизма, выглядит убедительнее и предпочтительнее для миллионов россиян, которые предпочитают горькое, но *своё* прошлое, неопределенному настоящему и сомнительному будущему.

Всё это не вырубишь топором и очередным указом не отменишь. Слишком тонкая это материя и очень непростая задача: дать возможность людям обрести себя вновь, помочь найти выход каждому, а того, кто не найдёт выхода, не спешить припечатывать к столбу позора. Нельзя ставить крест на миллионах людей формулой «коммуно-фашизма» — это опрометчиво. На подхвате стоят, с одной стороны — бешенные, как Ампилов, а с другой — люди похитрее (вроде Стерлигова хотя бы).

И Сахаров, и Солженицын были в свое время правоверными коммунистами. История знает множество примеров, когда бывшие коммунисты, спустившись с небес на грешную землю (или, напротив, поднявшись над земными бедами), ужаснулись себе же и всю жизнь словом и делом искупали свою вину.

Или не из коммунистов Ельцин, Гайдар, Козырев?

Но почему, «выйдя» достойно из своего вчерашнего состояния, некоторые борцы с коммунизмом спешат захлопнуть дверь для менее приспособленных и подвижных тезисом о «коммуно-фашизме»? Говорю сейчас не о номенклатурной челяди (эти-то уже давно на своем привычном мете), а о миллионах людей, в том числе о тех, кто никогда не имел партбилета, но не переставал в одночасье быть «советскими».

В тоже время я не могу припомнить подобного примера из истории фашизма. Где и когда бывший фашист возвращался к примату общечеловеческих ценностей, более того – скажите, где и когда деятели фашизма, да ещё высокого ранга, прозрев, руководили бы страной, строящей демократию, или возглавляли бы общественные демократические организации и даже движения?

Фашизм – всеобъемлющ и закончен, он не приемлет альтернатив и оставляет лишь один выход: если не абсолютная власть — то непременная гибель. Коммунизм такой выход даёт и, быть может, где-то здесь следует искать их существенное различие. Необходимо задуматься над этими различиями и не давать предприимчивым политикам в руки трагический и горячий электорат.

И ещё. Коммунизм уничтожить на поле брани едва ли возможно. Во всяком случае, это не удавалось пока никому. И страны Запада это вовремя поняли, равно как и то, что не учитывать историческую тягу людей к равенству, упрощенному понятию справедливости — подвергать смертельной опасности свои правящие институты. Не в этом ли действительное «всемирно-историческое» значение Октябрьской революции 1917 года?

Поразительно! Пролили уйму крови, изменили мир, но сами остались прежними, неспособными понять, что борьба с коммунизмом —

не есть лишь борьба с идеологией, но борьба с утопией. Борьба с утопиями бесполезна вообще: *утопии непобедимы, потому что неосуществимы.*

Самое антикоммунистическое правительство при тридцатипроцентной инфляции в месяц ежедневно выплескивает на политический тротуар новых коммунистических легионеров, до проблем которых ему нет никакого дела. Разумеется, что их подхватывают уязвленные лжепророки и ведут на баррикады.

Нерешаемые властью частные проблемы людей, отсутствие у реформ продуманной социальной доктрины — вот что является главной причиной усиления коммунизма. Поистине нет более прокоммунистического правительства, чем правительство высокой инфляции.

Не раз и даже не сто раз говорено: основу гражданского общества, базу действительно демократии составляет мощный и организованный средний класс. Те самые предприниматели-собственники, странной «заботой» о которых занимаются все правительства с горбачевских времен. Гарантии необратимости реформ и установление конституционного строя обеспечивается не удачливыми статьями конституции, а наличием сильного общественного капитала, представленного в высокой политике. В свободном труде предпринимателя — рабочие места, культура труда и быта, профессиональная гордость, стабильность и законность в стране, достойное жилье, одежда, питание, то есть процветание России и те самые социальные гарантии, отсутствие которых толкает людей в мир соблазнительных и опасных утопий.

То правительство, которое от «понимания» этих простых истин перейдет к их воплощению, — будет первым посткоммунистическим.

Что же касается реплик, таких как: «Надо покончить с коммунизмом навсегда!», то можно прежде задаться вопросом: существует ли в истории человечества что-либо из области духовной, пусть даже ложное, с чем было бы «покончено» навсегда?

* * *

Далее о том, что называется у нас «демократией».

Известно, что для того, чтобы в стране оформилась демократия и утвердился конституционный строй, необходимы соответствующие внешние и внутренние условия. С внешними условиями как будто всё в порядке: все цивилизованные страны желают нам демократии. Что касается условий внутренних, то с этим делом обстоит не так просто.

Зададимся еще раз вопросом: почему с политической карты России всякий раз сбрасывается атрибутика демократической государственности — спикеры, вице-президенты, парламенты, председатели конституционных судов, сами суды?

Да потому, что у этой государственности отсутствует соответствующая ей почва.

Реформаторы (с эпохи Горбачева) преступили к реформам с твердым убеждением (иного у них и быть не могло), что реформы можно и должно провести их единого центра, из Кремля. Российская демократическая государственность выстраивалась ими «сверху» в условиях жесткой системы государственного монополизма в экономике. При таком подходе к реформам даже самые либеральные экономические законы работали не на слом, а на воспроизводство государственного монополизма. Получался замкнутый круг.

Естественно, что структура государственного управления выстраивается в соответствии с экономикой: чиновничество в России (и не только в России) всегда встраивается в существующую систему экономических отношений. И когда Ельцин и все реформаторы, придя к власти, тут же дружно провозгласили принципы разделения властей (как в странах демократии!), то поистине не ведали, что творят, ибо собственноручно создавали госчиновничеству дополнительное поле для самоидентификации, проще говоря, — создали ёмкость для оформления параллельной власти, которая тут же начала борьбу за всю власть.

Поскольку эта ёмкость — советская, она защищена конституцией и, следовательно, легитимна. Такая параллельная власть оформляется в считанные месяцы и при наличии тщеславных небестолковых руководителей стремится к своей абсолютизации. Эта власть находит множество сторонников, на неё «ставят» самые различные круги, здесь могут найти «понимание» оппоненты из другого лагеря, а при случае

центр этой параллельной власти может превратиться в некое подобие «тушинского лагеря».

Одним словом, при таком положении дел те самые пресловутые «ветви власти» занимаются не разделением (и сочетанием) власти на исполнительную и законодательную, а борьбой за то, чтобы ухватить её всю без остатка.

Так как полномочия парламента по конституции всеобъемлющи, то в этой схватке участвует военная, промышленная, профсоюзная и прочая бюрократии. Поскольку легитимность парламента определена действующей Конституцией, то при умелом подходе ничего не стоит убедить главу конституционного суда стать своим сторонником (а какую еще конституцию должен защищать Конституционный суд?). Поэтому не стоит всё сводить к мятежу лишь кучки самонадеянных политических самозванцев.

Все это необходимо было предвидеть российским политикам, имеющим опыт подобного противостояния со структурами бывшего СССР, завершившегося в августе 1901 года.

Вывод в сложившейся ситуации напрашивается для демократии мрачный: при недифференцированной экономике не может оформиться и дифференцированная власть. Эта власть, несмотря на мнимое разделение, стремится к средоточию в одних руках. И «ствол» этой власти, как точно подметил Даниил Гранин, гол и прям, как ствол автомата.

Действительное, а не мнимое разделение властей достигается не одной лишь атрибутикой демократии, а устойчивым балансом, который обеспечивает гражданскому обществу все тот же гражданин-собственник. При этом приобретает свой истинный смысл и третий, важнейший компонент демократической государственности — власть судебная. Кроме того, мощный негосударственный сектор экономики создает политическую среду, в которой может реализовываться и самоутверждаться значительная часть отечественной бюрократии. Причём совсем по-иному, чем она делала это в стенах казенного Белого дома.

Но если до развития мощного негосударственного сектора экономики ещё далеко, если оформление гражданского общества — процесс не одного дня и реформирование «сверху» в очередной раз не удастся,

то долго «играться» в разделение властей опасно: можно потерять свою «ветвь» (что чуть не произошло с нашим президентом). Парадоксально, но властвующему политику сегодня удобнее держаться принципа — «не разделяй, но властвуй».

И можно было бы пожелать ему властвовать так, чтобы, проведя кропотливую, необыкновенно хитрую и тонкую работу, в конце концов разделять цивилизованное гражданское общество и демократическое государство, если при этом быть вполне уверенным, что эта сверхсложная хирургическая операция ему по плечу. Вообще, если она возможна «сверху».

* * *

Президент Ельцин и его сторонники сумели силой нейтрализовать сложившиеся параллельные структуры власти и на время устранить угрозу гражданской войны. В России вновь восстановлено единоначалие, в Москве, вслед за чрезвычайным положением, продолжают ограничивать ряд административных, политических и правовых свобод. Возникают опасения, что Россия погружается в своё традиционное состояние.

Плохо это или хорошо — не вопрос. Вопрос в том — а могло ли быть иначе? И сумеем ли мы ответить на очень непростые вопросы о демократии, конституционном строе, вообще о будущем России? Сможем ли со всеми сторонниками демократии выйти из ситуации с честью и, учтя роковые ошибки, успеем ли реализовать ещё одну возможность, доставшуюся, как всегда, страшной ценой?

Если сумеем — отчасти испушим вину. Не сумеем — страшно усугубим её.

«Сегодня». — 1993. — 21 октября. — С.10.